

Научная статья
УДК 811.161
DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_30

Истоки русского просторечия

С. С. Егорова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, egorova3058@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются истоки русского просторечия. Данные проанализированных материалов и контекстов из Национального корпуса показали, что понятие «в просторечии» впервые было зафиксировано в XVII в.; под ним понимался «природный» язык, свободный от приемов западноевропейских риторик и греческого витийства. В первой половине XVIII века семантика просторечия расширяется: это не только отказ от средств красноречия, но также обыденная русская народная речь. Однако системное применение термин найдет позже – в работах М. В. Ломоносова, а в Словаре Академии Российской будет использован как стилистический маркер.

Ключевые слова: просторечие, стилистика XVIII век, народная речь, разговорная речь, сниженная лексика, Житие протопопа Аввакума, М. В. Ломоносов

Для цитирования: Егорова С. С. Истоки русского просторечия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 30–34. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_30

Original article

The Origins of Russian Vernacular

Svetlana S. Egorova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
egorova3058@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the origins of Russian vernacular. Data of analyzed materials and context from Russian national corpus shows that the concept of “in vernacular” was first recorded in the 17th century, it is understood as a “natural” language, free from the techniques of Western European rhetoric and Greek ornate. In first half of 18th century it is observed about the expansion of the semantics of vernacular: this is not only a rejection of the means of eloquence, but also ordinary Russian folk speech. However, the systematic use of the term will come later – in Lomonosov’s works, and it will be used as a stylistic mark in the Dictionary of the Russian Academy.

Keywords: vernacular words, stylistics of 18th century, folk speech, colloquial speech, reduced vocabulary, The life of Archpriest Avvakum, Lomonosov

For citation: Egorova, S. S. (2023). The origins of Russian vernacular. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 30–34. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_30

ВВЕДЕНИЕ

Термин «просторечие» входит в регулярное языковое употребление с середины XVIII века. В теоретических трудах М. В. Ломоносова, в частности в «Российской грамматике» он встречается не менее 10 раз [Ломоносов, 1799].

– Три, трехъ; везу, везешь; огонь, огнемъ выговаривают в **просторечии** *тріохъ, везіюшь, огніомъ* (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

– В **просторечии** ь больше, нежели в письме, избражается промеж другими буквами: *твердить* пишем, а выговариваем *твердьить* (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

– Ее в **просторечии**, ея в штиле употреблять пристойнее (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

– «...буквы е и ѣ в **просторечии** едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует... в е дебелисти, в ѣ тонкости» (М. В. Ломоносов. *Российская грамматика*. 1755).

Под «в просторечии» Ломоносов подразумевает устную русскую речь в противопоставлении церковно-славянскому языку как официально-письменному. Во второй половине XVIII столетия активность использования термина повышается, а его легитимация произойдет в рамках Словаря Академии Российской (1789–1794) – здесь оно обретет относительно устойчивую семантику и функциональную роль. Известно значительное количество работ, посвященных детальному изучению просторечия второй половины XVIII века и более поздних периодов, однако до сегодняшнего дня отсутствуют исчерпывающие исследования относительно времени зарождения термина «просторечие», его авторства и сущности на каждом из этапов. В рамках статьи предпринята попытка обнаружить истоки просторечия, установить его первоначальное семантическое значение и границы. Для этого были изучены работы крупнейших филологов, занимавшихся вопросами исторического языкознания и стилистики, проанализированы письменные источники XVII–XVIII веков и контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка.

ПРОСТОРЕЧИЕ ДО XVII ВЕКА

В источниках до XVII века термин не зафиксирован, однако представлена близкая по звучанию и семантике лексема *просторек*. Она употреблена в Повести временных лет по Ипатьевскому списку (1110-е), позже в Новгородской пятой летописи (1550) и Никоновской летописи (1526–1530):

– бѣ же се мужъ не книженъ. но оумомъ просто и **просторѣкъ** (Ипатьевская летопись).

– ... бѣ же сей мужъ не книженъ, и умомъ просто и **просторѣкъ** (Никоновская летопись).

Этот пример приведен в «Материалах для Словаря древнерусского языка» при лексеме «**просторѣкъи**», которая трактуется как «говорящий без искусства, некрасноречивый» [Срезневский, 1902, т. 2, ст. 1577].

В других текстах до XVII столетия, из близких к «просторечию» слов, словоформ и словосочетаний можно отметить лишь «простоглаголение» и «написать просто» с аналогичным смыслом «простая, неукрашенная, незамысловатая, незатейливая речь»:

Не зазрите худоумию моему, еже написахъ се не хитро, но **просто**, о мѣстѣхъ сихъ святыхъ (Хождение игумена Даниила. 1496).

– Любомудръствуеъ же дружба извѣщатися, аще ли яко съновъ мечтание, аще яко вѣтровъ дыхание **простоглаголение**, яко червлено яйцо на руцѣ дръжа (Пословицы о согл. XVI век).

Лаврентий Зизаний использует в названии своего словаря сочетание «простой русский диалект»: «Лексис. Сиречь речения, вкратце собранные. И из словенского языка на **простой русский диалект** истолкованы» (1596). Однако он говорит о парадигме иного рода – здесь противопоставлены простой русский язык (т. е. язык устного общения) и церковнославянский (язык официальной книжности). Данная семантика четко прослеживается в материалах самого словаря: автор приводит пары слов, первое из которых на «словенском», второе – на «простом русском диалекте» («агнецъ, баранокъ», «блгодѣ(л)ство, добродѣ(л)ство», «бѣлезнь, бѣлѣ(с)[ть]», «вѣжду, вѣжу», «дѣ бѣде(т), нехѣй бы тѣкъ бѣло» и пр.) [Зизаний, 2003].

ПРОСТОРЕЧИЕ В XVII ВЕКЕ

В текстах XVII века впервые документально фиксируется лексема «просторечие», но примеры ее употребления представлены единично. Семантика слова в этот период – безыскусная речь; речь, противопоставленная красноречию, свободная от влияния западноевропейских риторик и греческого витийства. «Токмо малое начертанье ово от книжного разумения, а ино от **просторечия**», – говорится в письме Семена Васильева Башмака (1650) [цит. по: Гальченко, 2006, с. 343]. Башмак, позже постриженный в монахи с именем Савватий, известен как борец за права и красоту родного языка; в челобитных, адресованных царю, он критиковал

справщиков книг и других лиц за преклонение перед иноязычными веяниями: «словенским языком... гнушаются... На греческий тесной язык воспеваются, а своей охуждают» («Челобитная инок Савватия Государю Алексею Михайловичу на книжных справщиков») [там же, с. 320].

Наиболее полноценно это значение и функционал просторечия раскрываются в Житии протопопа Аввакума... (1672–1673). Аввакум подчеркивает, что написал труд «просторечием ... природным русским языком», несмотря на жесткие рамки агиографического жанра и традиции официальной книжности: «Вы, господа ради, чтущие и слышащие не позазрите, **просторечию** нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить... того ради я и не бегу о красноречии, и не унижаю своего языка русского...» [Житие протопопа Аввакума, 1912, с. 163]. Просторечие Аввакума – это живой, конкретный и доступный для восприятия язык того времени. И противопоставляет его Аввакум, с одной стороны, «языку латино-польской книжности», с другой – «еллино-славянским стилям» (т. е. «напыщенным» стилям, насыщенным архаическими формами, гречизмами и «византийским витийством») [Виноградов, 1982, с. 42–43].

Вместе с тем аввакумовское просторечие представляется как явление, выходящее за рамки сугубо отказа от использования приемов ораторского искусства и синтаксического витийства. Наряду с этим оно включает в себя лексику русского разговорного языка, часто сниженную, даже грубую и бранную: «с судна спихнуть», «сам свалился», «на брюхе лежал», «дурачки» и др. В. В. Виноградов указывает на близость текста к «фамильярной, бытовой сфере народной устной речи» [там же, с. 43].

Таким образом, в XVII столетии лексема «просторечие» в тех редких ситуациях, в которых применяется, обозначает: 1) отказ от средств красноречия, 2) элементы русской устной речи народных масс и стилистическую их функцию в письменном тексте.

ПРОСТОРЕЧИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В первой половине XVIII века, как и в XVII столетии, термин «просторечие» употребляется в исключительных ситуациях. Его семантика аналогична той, которую он имел ранее – противопоставленность языку официальной книжности и инокультурному влиянию, что может выражаться, с одной стороны, в отсутствии признаков красноречия, с другой – во включении ряда элементов русской речи (книжная речь = речь на церковнославянском языке; устная, некнижная речь = великорусское разговорное

наречие). Вывод о семантике просторечия этого периода следует из примеров его употребления в трудах Ф. Прокоповича и В. Н. Татищева.

Ф. Прокопович использовал понятие «просторечие» для характеристики языка и стиля своего «Первого учения отрокам...» (1722), которое намеревался изложить доступным для понимания широких масс языком:

...настала нужда общая сочинить книжицу с толкованием десятизакония законного, от Бога преданного. Но и сие не много еще пользовало, ибо в России были таковыя книжицы, но понеже высоким славенским диалектом, и не **просторечием** написаны... [Прокопович, 1753, с. 20].

Петр I отмечал доступность изложения «Учения...» и рекомендовал его «при обучении не только духовных, но и мирян», а также к прочтению в период поста [Пекарский, т. 1, с. 181]. Здесь просторечие противопоставлено церковнославянскому языку строгой нормы (в терминологии В. М. Живова) как традиционному языку официальной книжности, языку «украшенному», с громоздкими синтаксическими конструкциями и сложной морфологией. Но нельзя утверждать, что просторечие в данном случае – это великорусский диалект, обыденная устная речь в письменной форме или что это приказной язык. В просторечии Прокоповича много архаических грамматических форм, а также церковно-книжной лексики. Просторечие в «Учении...» выступает как отступление от жестких традиционных норм религиозных текстов, написанных на строгом церковнославянском языке, как «неукрашенная речь».

И. П. Житецкий обращает внимание на практически равноправное сосуществование в тексте Прокоповича русских и церковнославянских фонетических форм (*младой* и *молодой*), морфологических вариантов окончаний и суффиксов (*искать* и *любити*) и т. д. Основываясь на этом, он характеризует язык работы Прокоповича не как «простонародный», а как «смешанную речь, только с меньшим количеством славянизмов», без которых он не мог обойтись «в изъяснении основных истин православной веры». Житецкий настаивает, что подобное «смешение» (или «просторечие») – это «стилистический прием преднамеренного и непреднамеренного смешения славянских элементов речи, большей частью обруселых, с чисто русскими» [Житецкий, 1902, с. 23]. Н. И. Толстой называет язык произведения Прокоповича «упрощенным вариантом русского церковнославянского языка» [Толстой, 2002, с. 83].

В аналогичном вышеупомянутому примеру просторечия у Прокоповича семантическом значении

употреблено наречие *просторечно* в работах Г. Бужинского 1723 г.: «...Сие написано **просторечно**, дабы самое скудоумнейшее лицо могло вразуметь» [Бужинский, 1765].

Лексема *просторечие* у В. Н. Татищева отражает разные аспекты значения: с одной стороны, обнаруживает четкую семантику противопоставленности красноречию и заимствованиям: «Чтоб закон внятен и всем подзаконным вразумителен был. Для сего нужно законы таким речением писать, которым большая часть общенародия говорит, и суще самим **просторечием**, без витийства и красноречия... наипаче чтоб никаких иноязычных слов не было» [Татищев, 1979, с. 124–125].

С другой стороны, в письме Шумахеру Татищев употребляет термин «просторечие» в ином значении – это сугубо устная русская народная речь (вне ее соотнесенности с приемами ораторского искусства и «стилем плетения словес»): «...жито точно разумеется все семена – рожь, овес, пшеница, ячмень, полба и прочее, хлеб токмо печеной, а **по просторечию** разумеют под именем жита ячмень, под именем хлеба жатву и пр.»¹ [Татищев, 1990, с. 336]

Тем не менее в первой половине XVIII века как термин «просторечие» еще не был четко сформирован и оформлен. Об этом говорит отсутствие его употребления в художественных произведениях, научных трудах, лексикографических работах. Слово не представлено в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Вейсмана и иных словарях; оно не использовалось В. К. Тредиаковским в работах по филологии и художественных произведениях (в предисловии к переводу «Езды в остров любви» он говорит о «простом русском слове, то есть каковым мы меж собою говорим»), Ф. П. Поликарповым (при переводе «Географии генеральной» Б. Варения он

пишет «гражданским посредственным наречием»), Петром I (он употребляет сочетание «наш штиль»: перевести на «славенский язык нашим штилем»), А. И. Мусиным-Пушкиным (он рекомендует Поликарпову употребить слова «посольского приказу», переводить «простым русским языком») и др.

Выводы

Детально изучив материалы письменных источников XVII–XVIII веков, проанализировав контексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, мы пришли к следующим выводам.

- до XVII века могут быть отмечены лишь фонетически и семантически близкие к «просторечию» слова, словоформы и словосочетания; но это своего рода почва для зарождения термина.
- «просторечие» начинает фиксироваться в письменных источниках середины XVII столетия, однако лишь в единичных случаях.
- в первой половине XVIII века слово употребляется немногим чаще, чем в XVII, и имеет значения: отказ от средств красноречия и разговорная русская речь.
- с середины XVIII столетия первое из приведенных значений более не встречается. Однако во втором значении лексема «просторечие» на регулярной основе используется М. В. Ломоносовым в его филологических трудах. Просторечие у него – русский устный дискурс в противопоставлении церковнославянскому языку как языку официальной письменной традиции.
- во второй половине XVIII века формируется стилистический смысл термина «просторечие» и определяется его функция в письменном тексте, легитимация термина происходит в рамках Словаря Академии Российской (1789–1794).

¹ Орфография сохранена (1748).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ломоносов М. В. Российская грамматика. В Санкт-Петербурге, при Императорской Академии Наук, 1799.
2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. С-Пб.: типография Императорской Академии наук, 1893–1902. Т. 2, 1902.
3. Зизаний Лаврентий. Лексис. Сиречь речения, вкратце собранные. И из словенского языка на простой русский диалект истолкованы // Изборник, 2003. URL: <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm>
4. Гальченко М. Г. Челобитная инока Савватия Государю Алексею Михайловичу на книжных справщиков. Текстологические замечания // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2004–2005). М., 2006. С. 295–369.
5. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники первых лет русского старообрядчества. С-Пб.: типография М. А. Александрова, 1912.
6. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1982.
7. Прокопович Ф. Первое учение отроком, в нем же слоги и буквы. Предисловие к благочестивым родителям, воспитателям, приставникам, господам и всем прочим, имя отеческое над малыми отроками носящим. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1753.
8. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. С-Пб.: издание товарищества Общественная польза, 1862. Т. 1.

9. Житецкий П. И. К истории литературной речи в XVIII веке. Киев, 1902.
10. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. Из истории науки. 2002. № 1. С. 81–90.
11. Бужинский Г. Последование о исповедании. С-Пб.: при светейшем Синоде, 1765. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/posledovanie-o-ispovedanii>
12. Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 118–125.
13. Татищев В. Н. Письмо И. Д. Шумахеру. Научное наследство. М.: Наука, 1990. Т. 14. Записки. Письма 1717–1750 гг.

REFERENCES

1. Lomonosov, M. V. (1799). Rossiyskaya grammatika. St Peterburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.)
2. Sreznevskiy, I. I. (1902). Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka = Materials for the dictionary of the Old Russian language (vol. 2): in 3 vols. St Peterburg: tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. (In Russ.)
3. Zizaniy, Lavrentiy (2003). Lexis. Sirech recheniya, vkratse sobrannye. I iz slovenskogo yazyka ns prostoy russkiy dialect istolkovany. In Izbornik. <http://litopys.org.ua/zyzlex/zyz99.htm> (In Russ.)
4. Galchenko, M. G. (2006). Chelobitnaya inoka Savvatiya gosudaru Alexeyu Mikhaylovichu na knizhnyh spravschnikiv. Textologicheskie zamechaniya = The petition of the monk Savvatiya to the Sovereign Alexey Mikhailovich for book helpers. Textual remarks. In Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka (2004–2005) (pp. 295–369). (In Russ.)
5. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe = The biography of Archpriest Avvakum written by him (1912). In Pamyatniki pervykh let russkogo staroobryadchestva. St.Petersburg: tipografiya Alexandrova. (In Russ.)
6. Vinogradov, V. V. (1982). Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka = Essays on the history of the Russian literary language. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
7. Prokopovich, F. (1753). Pervoe uchenie otrokam, v nem zhe slogi i bukvy. Predislovie = The first teaching for boys, it also contains syllables and letters. Preface. Kyiv: tipografiya Kievo-Pecherskoy lavry. (In Russ.)
8. Pekarskiy, P. P. (1862) Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom = Science and literature in Russia under Peter the Great (vol. 1): in 2 vols. St.Petersburg: izdanie tovarischestva Obschestvennaya polza. (In Russ.)
9. Zhitetskiy, P. I. (1902). K istorii literaturnoy rechi v XVIII veke = To the history of literary speech in the XVIII century. Kyiv. (In Russ.)
10. Tolstoy, N. I. (2002). Tserkovnoslavyanskiy i russkiy: ih sootnoshenie i simbioz = Church Slavonic and Russian: their correlation and symbiosis. In Voprosy jazykoznanija, 1, 81–90. (In Russ.)
11. Buzhinskiy, G. (1765). Posledovanie o ispovedanii = The following about confession. St.Petersburg: pri sveteysheym Sinode. <https://kp.rusneb.ru/item/reader/posledovanie-o-ispovedanii>. (In Russ.)
12. Tatishchev, V. N. (1979). Razgovor dvukh priyateley o polze nauki i uchilishchakh = A conversation between two friends about the benefits of science and colleges. Izbrannye proizvedeniya (pp. 118–125). Leningrad: Nauka.
13. Tatishchev, V. N. (1990). Pismo I. D. Shumakheru = Letter to I. D. Shumakheru. Nauchnoe nasledstvo (vol.14. Zapiski. Pisma 1717–1750). Moscow: Nauka. (In Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Светлана Сергеевна:

соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorova Svetlana Sergeevna

External PhD student at the Department of the Russian language
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.12.2022
23.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication